

АМЕРИКАНСКОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ РАДИОГРАММ ДО ПЕРВЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПЕРЕДАЧ

А.К. Малаховский, доцент, к. ист. н.,
кафедра теории и истории журналистики
Российский Университет дружбы народов

Внедрение электролампового оборудования стало многообещающим фактором для революционизации радио. Однако любое любительское или коммерческое применение радио было резко остановлено 7 апреля 1917 г., когда Соединенные Штаты вступили в первую мировую войну, и по указу президента большинство частных радиостанций было либо закрыто, либо перешли в собственность правительства. В США на время ведения военных действий владение приемниками или передатчиками стало незаконным для частных лиц. Радиовещание стало

государственной монополией, главной целью которой было сосредоточение усилий на военных действиях. Особенно досталось радиолюбителям, которые были вынуждены не только сдать свою аппаратуру, но и вступить в ряды военно-морского флота, в ведение которого было передано все радиовещание. Так, Гильермо Маркони, глава тогдашней крупнейшей монополии в области производства радиооборудования и радиовещания, выступил с призывом «Немедленно послать на фронт всех, кто связан с беспроводной связью!» (1). В условиях военного времени возникли возможности для продвижения по социальной лестнице даже для тех, кто находился в условиях сегрегации, т.е. для афроамериканцев (2).

Радиокоммуникации сыграли важную роль в военных действиях, несмотря на то, что в доавтомобильную эпоху передвижение оборудования осуществлялось с помощью мулов и лошадей. В ту эпоху понятие компактности оборудования отличалось от современного, так, типовая армейская радиостанция Кларка описывалась как «аппарат настолько компактный, что может быть транспортирован на спинах мулов», полевые радиостанции «Пэк сет» перемещались с помощью «группы из 10 всадников среднего сложения и упряжки из 4 мулов» и радиостанция «Вэгон сет», состояла из «18 всадников, возчика и инженера, находящихся в повозке, и повозки с радиостанцией, передвигаемой с помощью 4 мулов». С 1916 г., с введением передатчиков с более мощными искрогасительными разрядниками, количество мулов, необходимых для перевозки «Вэгон сет», сократилось до трех. Вскоре передатчики стали устанавливать на автомобили. С началом боевых действий американской армии во Франции туда были направлены полевые радиостанции (2).

Когда в Европе в 1914 г. разразилась война, США заявили о своем нейтралитете. 5 августа 1914 г. президент В.

Вильсон выпустил указ, согласно которому военно–морские силы должны были цензурировать весь международный радиотелеграфный обмен. Тут же ВМС США вступили в противоречие с фирмой «Маркони», принадлежавшей британскому капиталу. «Маркони», действовавшая также и на территории США, вызвала возмущение контролирующих органов тем, что допустила радиообмен «далекой от нейтральности» информацией между британским крейсером «Саффолк» и радиостанцией компании «Маркони», расположенной в г. Сконсет, штат Массачусетс (знаменитый «сконсетский инцидент»). В результате, несмотря на возмущение фирмы «Маркони» и ее владельца, Гильермо Маркони, ВМС закрыли радиостанцию в Сконсете почти на четыре месяца, а затем разрешили ей возобновить работу только под жестким контролем военно–морского ведомства (3).

Значение радио в период военных действий в Европе стало очевидным сразу после их начала. Уже в августе 1914 г. бельгийская армия была вынуждена полностью уничтожить крупный международный центр радиосвязи близ Брюсселя, чтобы он не попал в руки наступавшим немцам. Для британской армии радиосвязь приобрела особое значение после газовых атак немцев: радист, вовремя передавший сигнал о газовой атаке, таким образом спасал жизни солдат, успевавших надеть противогазы. Военная радиосвязь в годы войны приобрела также и «гражданское» значение: так, французские моряки на торговых судах, имевших радиоприемники, получали сведения о военных действиях, передающиеся мощным и радиостанциями воюющих держав, в то время, как вся остальная публика «была вынуждена довольствоваться скудной устаревшей информацией, одобренной цензурой» (4). Немцы начали ставить радиостанции на свои воздушные суда для лучшей навигации при осуществлении бомбардировок, однако

французы научились давать в эфир ложные сигналы, которые приводили к крушению германских цеппелинов (4).

Радиообмен на заре радиовещания представлял собой обмен радиосигналами, состоявших из длинных и коротких гудков («точка – тире»), поэтому были нужны дешифровщики, владевшие «азбукой Морзе». Однако 17 июля 1917 г. американская пресса сообщила об успешном тестировании американской компанией АТТ двустороннего радиотелефона, позволявшего осуществлять голосовую связь. «Эскадры аэропланов могут управляться в воздухе так же, как и артиллерия на полях сражений», захлебывалась от восторга пресса (5). Впоследствии, уже после окончания военных действий, сам президент В. Вильсон принял участие в демонстрационных авиационных маневрах, находясь на лужайке Белого Дома и осуществляя радиосвязь с аэропланами с помощью радиотелефонии (2).

Во время войны радиостанция военно–морского флота НАА, расположенная около Вашингтона, каждый вечер передавала сводки новостей с помощью азбуки Морзе, которые принимались и расшифровывались военными по всему атлантическому побережью США, таким образом предоставляя возможность издавать оперативные сводки новостей в армейских подразделениях и на морских судах. Для противодействия немецким подлодкам радиостанции устанавливались не только на военных и пассажирских судах, но и на кораблях торгового флота, ходивших по Атлантике (2). 12 декабря 1918 г. Газета «Нью–Йорк Гералд» сообщила, что радиотелеграф, используемый военно–морским флотом, стал важным фактором победы в войне: по своему значению радиосвязь стояла на втором месте после переброски войск. Полный контроль над беспроводной связью обеспечивал не только своевременную передачу приказов командования и распоряжений правительства, но и контроль за движением

судов, перехват радиogramм противника, подготовку радистов, разработку системы коммуникаций с морскими судами.

Сразу вслед за объявлением войны президент Вильсон издал указ, зарывающий все радиостанции, не предназначенные для коммуникации с морским флотом, и передал контроль над всеми существующими станциями помимо правительственных главнокомандующему военно–морских сил. Сразу же возникла система принимающих станций вдоль атлантического побережья, и в комплексе с передающими станциями стало возможным осуществлять постоянную связь с такими стратегически важными пунктами, как Кэрнервон (Великобритания), Лион, Нант и Рим. Для того, чтобы суда не обнаруживали своего местоположения, включая свои передатчики, было установлено расписание, согласно которому в определенное время с берега судам передавались радиogramмы. За время военных действий число радиостанций морского базирования возросло с 58 до 111.

Американская пресса с энтузиазмом сообщала о планах по созданию постоянно действующей трансатлантической радиосвязи для флота с помощью введение в действие мощной передающей станции во французском Бордо, крупных радиocentров на Кубе и в Панаме. Будущее радио тогда виделось ряду периодических изданий в рамках владения всеми основными радиостанциями военно–морскими силами. «Нью–Йорк Гералд» писала, что на рассмотрение Конгресса вынесен законопроект, согласно которому все радиостанции, включая коммерческие, переходят в собственность правительства, которое «навсегда» делегирует право распоряжаться ими военно–морскому министерству, доказавшему свою высокую компетентность в этой области во время военных действий (6).

Однако радиосвязь и радиовещание имело и другое применение в годы первой мировой войны. Созданное наспех, но все же могущественное пропагандистское ведомство – Комитет общественной информации, который возглавил выдвиженец президента Вильсона Джордж Крил, ставило своей целью активную пропаганду американской политики как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Поэтому в рамках политики продвижения американской внешней политики мощные передающие станции использовались не только для передачи военных радиogramм, но и для распространения по всему миру материалов, подготовленных «комитетом Крила». Как отмечала американская пресса, радиоволны несли «правду и свет», исходящие от «наиболее могущественного просветительного органа в мире – Комитета общественной информации» (2). Как позже отмечал сам Дж. Крил, первая мировая война показала, что «общественное мнение является мощной силой», когда «моральные принципы приобретают значение, равное военным решениям», и США, тогда имевшие ограниченный доступ к международным телеграфным кабельным системам, обратились к радио с тем, чтобы «донести американское послание до каждой страны земного шара» (7).

Интересен пассаж Дж. Крила о России в одной из его статей: «Наша первая попытка охватить Россию осуществилась с помощью радио, и после ряда экспериментов под руководством капитана Тодда мы могли выйти на связь с русской станцией в Москве. Мы наладили службу, обеспечивающую материалы для прессы, для наружной рекламы и даже для кинозалов, которая охватывала города от Петрограда до Сибири. Однако когда большевики свергли Керенского, одним из первых их действий был захват станций беспроволочной связи. Московскую станцию – то ли случайно, то ли по недоумию

– они вывели из строя. Станция в Кракове, Польша, вначале была бесполезна, но затем начала принимать наши сигналы, впрочем, распространять информацию ей не удалось» (7). Энергичный «комитет Крила» в период американской интервенции на российском Дальнем Востоке сумел–таки наладить прием радиосигналов во Владивостоке, Иркутске и Омске, куда сигнал поступал из Сан–Франциско (7).

Если с Россией у «комитета Крила» не совсем задалось, то в глобальном масштабе радио, по мнению Крила, внесло огромный вклад в борьбу за «умы человечества», в которой его сила превосходила «миллион солдат». Антанта приобрела «новое воодушевление и надежду, Центральная и Южная Америка выступили на стороне Америки, нейтралитет прочих стран сменился с подозрительного на дружественный, а немецкий боевой дух был серьезно ослаблен и, в конце концов, повержен» (7).

Несмотря на то, что радио в годы первой мировой войны в США было, прежде всего, средством военной связи и пропаганды, ряд эпизодов в конце войны и сразу после ее окончания продемонстрировал, в каком направлении будет развиваться это техническое новшество, которое, казалось бы, «навечно» должно стать инструментом в руках военных моряков и пропагандиста Крила. Так, весной 1918 г. в прессе появились новости о том, что благодаря внедрению радиовещательной системы ограниченного радиуса действия, во Франции в ряде госпиталей была налажена трансляция музыки и новостей для раненых военных (2). А в период после окончания военных действий в ноябре 1918 г. и до октября 1919 г., когда была снята правительственная монополия на радиовещание, в эфире то и дело начали прослушиваться музыкальные передачи. Так, например, 10 января 1919 г. газета «Спрингфилд Рипабликэн» сообщила, что некий мичман Сэнфорд Лоутон в письме своим родителям поведал, что на их корабле на Рождество была

устроена вечеринка, и «вся новейшая музыка играла по радио» (2).

Некоторое время спустя пришла новость о том, что лейтенант Р. Робертс из отдела радиосвязи Рокуэлла дал в эфир «Радиотанец лунного света» с борта линкора «Марблхэд», находившегося у берегов Сан-Диего, Калифорния. Передача предназначалась для танцоров, собравшихся на берегу в некоем ангаре № 4. И совсем распоясался крейсер «Джордж Вашингтон», который во время перехода через Атлантику транслировал каждый вечер «радиоконцерт для тех, кто море» (2).

Таким образом, в Соединенных Штатах забрезжила эра массового коммерческого радиовещания, но это уже предмет отдельного исследования.

Литература:

1. The Wireless Age, September, 1917, pp. 888–891
2. Thomas H. White. United States Early Radio History.
<http://earlyradiohistory.us/sec013.htm>
3. The Wireless Age, October, 1914, pp. 8–10
4. The New York Times Current History, The European War, Volume VII, Period XX, 1916, pp. 311–31
5. Journal of Electricity, July 15, 1917, p. 59
6. New York Herald, December 12, 1918, p. 2
7. George Creel. The Battle in the Air Lanes. A Heretofore Unwritten Chapter Of American History//Popular Radio, September, 1922, pp. 3–10